

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ
(ю.-слав. **trapъ*, слав. **sěpati*, **pelestъ*)

Ю.-слав. **trapъ*

В словарном составе славянских языков несколько обособленное положение занимает ю.-слав. **trapъ* с выделяемым для него в качестве основного значением ‘яма’: серб.-цслав. трапъ *fovea* (XIV в., Mikl. LP), с.-хорв. шток., чакав., хорв.-кайк. *trāp* ‘яма для хранения зимой картофеля, овощей’, болг. *trap* ‘яма, ров’. Ю.-слав. слова не имеют надежной, убедительной этимологии. При отсутствии сев.-слав. соответствий трудно решить вопрос об исходной форме слова. Выбор одной из равновероятных форм **torpъ* или **trapъ* предопределен соотнесением ю.-слав. слов с тем или иным рядом индоевропейских соответствий. Из сближения с этимологически не совсем ясными балтийскими формами – лит. *trapūs* ‘хрупкий, ломкий’, *trapēt* ‘становиться мягким, гнилым’ – вытекает реконструкция исходной формы **trapъ*. Но по существу эта версия, не подкрепленная доказательствами, ограничивается лишь констатацией чисто внешнего сходства ю.-слав. и балт. слов и потому представляется очень неубедительной. Проблематично и предложенное Скоком без этимологического обоснования сближение ю.-слав. слов с греч. *τρύπῃ* *fovea* < и.-е. **trup-*, с другой степенью чередования и.-е. **troup-* > слав. **trupъ*. Но в то же время Скок допускает и связь с греч. *τάφρος* ‘яма’ < *τράφος* ‘*fossa*, *vallum*, Zaun aus Feldsteinen, *mocira*’, и.-греч. *τράφα* (Skok III, 491), из чего следует, что он не исключает возможности исходной формы **torpъ*.

В этимологической литературе наибольшее признание получило введенное еще И. Шмидтом¹ сближение ю.-слав. слов с лит. *tárpas* ‘промежуток’, *tarpeklis* ‘ложбина, ущелье’ (Младенов 637; RJA XVII, 533)², для которых, между прочим, допускается генетическое тождество с упомянутым выше лит. *trapūs* (Рокоглу I, 1073; Fraenkel 1112). Были попытки расширить состав индоевропейских соответствий за счет того. А *tarp-* ‘болото, озеро’, ‘рыбный садок (*stagnum*, *lacus*, *piscina*)’³, а также осет. *taerfæ* ‘ложбина, низина, долина’, фрак., **tarpa-* в топ. *Tarpo-dizos*, первую часть которого И. Дуриданов сравнивает с лит. *tárpas*, а вторую – с иран. *daiza*- ‘крепость’, т.е. ‘долинная крепость’⁴. В таком окружении ю.-слав. **trapъ* < **torpъ* предстает как праславянский лексический архаизм ограниченного распространения, унаследованный из эпохи диалектного развития индоевропейского языка. Но при всей внешней убедительности и даже эффективности выявляемой таким образом балто-слав.-фрак.-скиф. изоглоссы, на которую опираются при реконструкции древней карты Европы, нельзя не заметить, что осталось этимологически недоказанным базовое звено этой изоглоссы – балто-славянское соответствие. Френкель, отклоняя идею родства балт. и слав. слов, отмечает, что принятное сравнение безупречно лишь в фонетическом отношении, в семантике сравниваемых слов наблюдаются различия. Но

Френкель не раскрывает, какой характер носят семантические различия, не приводит конкретного материала в подтверждение своего вывода. Между тем значения, которые принимаются во внимание этимологами, – ‘яма’ и ‘лощина, ущелье’ как будто бы не препятствуют сближению названных слов. Более того, эти значения взаимосвязаны. Известно немало случаев использования лексемы со значением ‘яма’ для обозначения ущелья и т.п.:ср. укр. *яма* ‘углубление на вершине горы’, ‘долина, котловина’⁵, с.-хорв. *Vojvodina-jama*, село в Черногории (RJA IV, 446) и т.п. Сам факт типологически устойчивой связи названных значений может служить аргументом в пользу соотнесения слав. и балт. слов. Но нельзя не отметить, что эти значения не покрывают всей семантики и слав., и балт. слов. При этимологизации оставлены без внимания многие значения, свойственные ю.-слав. *trapъ, лит. *tárpas*. Для выяснения этимологии важно изучить слово во всей совокупности его семантического содержания, чтобы определить первоначальный семантический признак, который и должен объяснить все существенные значения, восстановить отдельные этапы семантической эволюции сравниваемых слов.

Как показывает предварительный анализ лексики, сближение слав. и балт. слов строится на семантике производной. Значения, характеризующие сравниваемые слова, входят в разные цепочки семантических преобразований, при этом некоторое сближение значений наблюдается лишь на заключительном этапе развития, предшествующие ступени преобразований мотивированы разной исходной семантикой. Так, для лит. *tárpas*, как и родственного ему лтш. *starpa*, *starps* ‘между, меж, среди’, следует признать основным значение ‘промежуток во времени и в пространстве’, отсюда – ‘пробел, зазор, пролет’ и ‘перерыв во времени’, в сочетании с предлогами – ‘среди, между, внутри’ (*iš + gen.*, *i + Acc.*, *tame ~ e*), предлог *tarp* ‘меж, между’. В определенных контекстах на базе основной семантики развивается значение ‘межа, разделяющая два поля’ в лит. *tařpež* ‘узкое пространство’ в лит. диал. *tarpinė* и, наконец, – ‘ущелье, лощина’ в производном *tarpēklis* (Niedermann. – Senn – Brender-Salys 604–605). Как видим, это последнее значение связано отношением производности со значением ‘промежуток’, ‘разрыв в пространстве’. Дальнейшее углубление семантической реконструкции крайне затруднено по причине невыясненности генетических связей лит. *tárpas*. Литовское слово сближают с лтш. *tarps* ‘червяк’ и на этом основании предполагают исходную основу со значением ‘тереть, бурить, сверлить’ (Pokorný I, 1073), Френкель считает наиболее вероятным предложенное Шпехтом сравнение с лат. *termen*, *termō*, *terminus* ‘граница, конец, цель’, греч. τέρμα ‘цель, конец, вершина’, τέρμων ‘граница’, которые далее связываются с и.-е. **ter-* ‘одолевать, пересекать, переходить, переправиться, чтобы достичь цели на противоположной стороне’ (Pokorný I, 1074–1075; Fraenkel 1061–1062).

Этимологизируя ю.-слав. слова, имеют в виду только одно значение – ‘яма’, характерное в основном для современных языков. Было замечено,

что в одном из старосербских текстов (*Proroštvo despota St. Lazarevića*) словом *trapъ* обозначается то, что можно перепрыгнуть (ср. *прескочи trapъ*), т.е. яму, ров или то, что можно развалить, разрушить (ср. *trapъ развалиаютъ, trapъ развалитъ*⁶). Шафарик переводил *trapъ* словом яма (= Rille, Schlucht, Höhlung, Graben)⁷. По данным Загребского словаря и многочисленных диалектных словарей в сербохорватском языке достаточно широко распространено *trāp* в значении ‘яма, в которой зимой хранят картофель, овощи’. Но в некоторых диалектах *trap* функционирует как земледельческий термин, которым обозначается перекопанная и перепаханная земля (RJA XVIII, 533), земля раскорчеванная под посев и посадки⁸, земля, приготовленная под виноградник (Hraste-Šimunović I, 1250; Skok III, 491), отсюда – ‘молодой виноградник’ (Вук), ‘бахча’, с переносом названия на плоды – ‘дыня, арбуз и т.п.’, ср. еще *trapјевине = крчевине* (СЕЗб XLVIII, 45). Связанный с этим гл. *trāpitī* в простом виде и в сочетании с преф. *iz-*, *po-* характеризуется значениями: ‘копать, перекапывать; окапывать, окучивать; корчевать; полоть’ (RJA XVIII, 533), ‘корчевать землю под посев или посадки’⁹.

Вук приписывает гл. *trāpiti*, представленному в одном тексте из Черногории, значение ‘сажать виноград’: Ти не пијеш млаћеницу батом бивену, / Него вино кратошију куком *trapљену* (Вук 310, 323, 770). Но такое определение значения не совсем точно. Ближе к пониманию смысла, передаваемого гл. *trapiti*, подошел Х. Шуман, предположив, что в приведенном тексте этот глагол имел значение ‘обрабатывать, возделывать виноградник с помощью деревянного орудия’ (*кука* ‘деревянный крюк’)¹⁰.

В описании семантики с.-хорв. слов уже содержится указание на способ обработки земли: земля копается, корчуется, перепахивается, разными способами освобождается от дерна, кустарника и т.п. При освоении новой земли, расчистке от леса, кустарника мест под пашню применялся тяжелый труд. В одном из текстов, приводимых Загребским словарем, как бы особо выделяется поле, обрабатываемое таким трудоемким способом: *Ako ko s trāpa što ukrade, t.j. sa zemlje, koje je s osobitom trudom ugrađena, s namjerom prodati plodove, tad je krađa* (Дубровник).

Исходная семантика (‘копать, рыть’) в несколько стертом виде присутствует и в болгарских словах, что явствует хотя бы из описания значения: *trap* – ‘ископ, ров’ (Бернштейн), ‘изровено, вдлъбнѫто място’ (Геров 5, 351), т.е. словом *trap* обозначается то, что вырыто, выкопано, выдолблено.

В одном из болгарских диалектов отмечен гл. *натrapитим* в значении ‘делать борозды для оттока дождевой воды’; Изораме го и го *натрапи ѿ ме* (М. Младенов. Из лексиката на Кюстендилско. БД VI, 145). В этом отымененном глаголе присутствует старая семантика имени *trap*: первоначально это – углубление, канавка, сделанная на поверхности земли каким-то роющим орудием.

В одном из архаичных болгарских диалектов–родопском засвидетельствовано значение ‘делать борозды для оттока дождевой воды’; Изораме го и го *натрапи ѿ ме* (М. Младенов. Из лексиката на Кюстендилско. БД VI, 145).

тельствованы производные от этого имени в качестве обозначения особенностей рельефа местности: *стран* ‘крутое место’, *трапан*, прилаг. ‘круты, глубокий’, *трённо* ‘круто’ (Т. Стойчев. БД II, 273, 282). Перенос названия осуществляется по той же семантической модели, что и в случае рус. *рвать > ров, обрыв*. В словаре Герова (Геров З, 232) находим гл. *натрапък*, -ишиь сов. от *натрапвамъ* и *натрапаюмъ* в значении ‘навязывать, всучивать, налагать’, ~мся ‘навязываться, налагаться’. В данном случае, видимо, имеет место переосмысление первичной семантики, след которой сохраняется в одном из значений – ‘набиваться’, производном от ‘бить, ударять’.

Старую семантику слав. *trapъ сохраняют заимствованные из ю.-слав. языков рум., алб. *trap* (Skok III, 491). Непосредственно связаны с исходной глагольной семантикой ‘копать, рыть, долбить’ значения, характеризующие алб. *trap*: ‘канавка, борозда, ров’, ‘узкое и глубокое русло’, ‘большое углубление в земле; яма (для картофеля)’, ‘межа, рубеж, граница между полями’, ‘тропа в горах и лесу’, ‘лодка, выдолбленная из одного ствола дерева’ и т.д.¹¹ Исходный семантический признак ‘углубление’ лежит в основе значений рум. *trap* ‘канавка; долина, ров’ и *traf* (*c f < b*) ‘ligne de demarcation entre deux vignes, prèsika’ (Жумберак) Скок ошибался, когда писал, что значения, свойственные рум. *trap*, неизвестны ю.-слав. языкам. На наш взгляд, рум., алб. *trap* семантически ближе к той линии развития, которая представлена в болгарском языке и его диалектах¹¹.

Как показывает приведенный материал, не совпадают пути семантического развития соотносимых балт. и ю.-слав. слов, сближаются семантически неродственные слова в их производных значениях, мотивированных разными семантическими признаками. Если этимология, удовлетворительно объясняя форму, вступает в противоречие с семантикой слов, то это может служить сигналом ошибочности этимологии.

Исходя из семантики, Х. Шуман высказал предположение о принадлежности ю.-слав. слов к гнезду слов. **trepati*¹², но, к сожалению, эта идея осталась незамеченной. Между тем весь лексический материал говорит в пользу такого понимания внутренней формы ю.-слав. *trapъ. Семантически емкий гл. *trepati (< и.-е. **trep-* ‘трясти’) входит в разные лексико-семантические группы (ср. гл. *trepati и его производные в составе терминов прядения¹³). На славянской территории в некоторых диалектах, не только южнославянских, этот глагол выполняет функцию термина земледелия. В этой связи привлекает к себе внимание отмеченное в русских говорах Сибири отглагольное имя *трепач* в значении ‘деревянная борона’ и производный от него гл. *трепачить* ‘обрабатывать землю деревянной бороной’¹⁴. В ю.-слав. *trapъ представлено удлинение корневого гласного по отношению к слов. *tropa, связанному чередованием регулярного типа с гл. *trepati. Ю.-слав. *trapъ, сложившееся на базе гл. *trepati, следует рассматривать как диалектное новообразование праславянской эпохи, и, следовательно, для него исключено участие в приведенном выше балт.-фрак.-скиф. изоглоссе. В разветвленном,

продуктивном гнезде слов. **trepati* находим материально тождественные гл. на *-iti*, которые имеют различия в семантике и построены по разным моделям. Мы имеем в виду уже упоминавшийся отыменный ю.-слав. гл. **trapiti* в функции земледельческого термина и связанный с гл. **tropiti* (: **trepati*) (чеш. *tropiti* ‘возбуждать спор, ссоры’ и т.п.) чередованием в корне гласных *o:ō* гл. **trapiti*:ср. с чеш. *träpiti* ‘мучить’, польск. *trąpić*, словен. *trápiti* то же¹⁵, а также, видимо, болг. диал. *trápen* ‘не пришедший в себя (от испуга)’ (Бернштейн), ‘растерянный, не пришедший в себя после болезни от волнения, удара и т.п.’, без достаточных оснований связываемое с рус. *торопить*¹⁶.

Слав. **sēpati*

В этимологической литературе выделяют в самостоятельное гнездо рус. диал. *cíнать* ‘дергать’ (зап.), ‘тянуть рывками’ (дон., Даль² III, 187) вместе с укр. *cíнати* ‘дергать’, польск. *siepać* ‘трясти’ (Фасмер III, 626). Оперируя ограниченным числом примеров, словари (ср. еще Brückner 489; Machek² 537) лишь вычленяют названные слова из общего словарного состава славянских языков и тем самым намечают контуры этимологического гнезда, генетические истоки которого остаются неясными. Между тем, как показал В. Борысь¹⁷ в одном из недавних исследований, предполагаемое гнездо охватывает значительно больший лексический материал. В. Борысь ищет объяснения на путях традиционного сближения слав. слова с лит. *šaipýtis* ‘ухмыляться, усмехаться’ в гнезде и.-е. **k'eiр-* ‘вилять, махать, кривиться, морщиться’. Традиционное объяснение сопряжено со многими трудностями, о которых речь пойдет ниже. Вновь обращаясь к рассмотрению слав. **sēpati*, мы хотим продолжить поиски этимологического решения, основываясь на возможности внутренней реконструкции. Но прежде чем обратиться к выяснению этимологии, следует как можно полнее представить круг славянских соответствий, внимательно изучить значения и употребления всех относящихся к этому гнезду славянских слов.

Обширный материал по слав. **sēpati* представляют зап.-слав. языки: польск. *siepać*, *siepnąć* ‘дергать, терзать, теребить, рвать; начать драку; сорвать, разорвать; бросить, кинуть; махнуть, стукнуть, ударить, грохнуть; выдергивать нитки по краю’, ~*się* ‘дернуться, осыпаться, сечься’, с префиксами *o-*, *na-*: *osiepać* ‘оборвать, обтрепать, ободрать; укротить (о молодых лошадях)’, *nasiepać* ‘наработаться’; отлагольные имена: диал. *siepka* ‘корпия’, т.е. перевязочный материал, наципанные из тряпок нитки, которые употреблялись прежде вместо ваты, ‘черпак для воды’, *siepacz*, диал. *siepak* ‘палач’ (Варшавский словарь VI, 105; III, 845; 160); причастные формы в сочетаниях *kamien siepiący* (XVI в.) ‘calculus’, *rozsiepane osiadłości* (u Reja) (Brückner 489);

возможно, кашуб.-словин. *sēpnąc sq* ‘пуститься в путь, *sēpk* ‘постоянно спешащий человек’ (Sychta V, 36);

н.-луж. *sepaś* ‘колотить, стучать, трепать; бить, биться’, диал. ‘(о птице)

клевать, хватать, щипать клювом' (Muka II, 403), в.-луж. *sepic* = *sapac* 'метать искры' (Pfuhl 626, 630);

словац. диал. *sepat'se* экспр. 'ковылять, идти', с префиксами *do-*, *pri-*, ср. *prisepat'se* экспр. 'прийти'¹⁸, глаголы на *-kati*: *sepkat'* обл. 'трясти, держать; поскакивать', *s.sa* 'трястись' и производные *sepkavý*, *sepkom* 'бегом' (SSJ IV, 59).

На восточнославянской территории слабо засвидетельствованы продолжения слов. *sépati. Помимо уже упомянутого рус. диал. *cípать*, с корневым вокализмом *и* в донских говорах представлен гл. *sepáti* [*cípать*], употр. в 3 л. 'клевать (о рыбе)': харашо рыба *cípaiti* на-червей (Донск. словарь III, 114). В украинском языке находим *cínatи* 'держать', *cínatися* 'дергаться, дернуться; подергиваться, подернуться; рваться, рвануться', *cípónuti* 'с силой дернуть', с префиксом *на-* *nasínatи* 'надергать, натомить дерганием', отглагольные производные: *cíngua* = *cípanaka* 'злой и приидичивый начальник, полицейский, взяточник; вообще бранное прозвище всякого администратора', *cípanýna* 'дергание; приидирки административные и судебные; тягание по судам', *cípom* 'дергая', межд. *cín* 'дерг! хват!' (Гринченко IV, 127). На белорусской территории отмечены гл. *cépać* 'дергать; тяжело дышать, говорить зло, кричать', *sépnúć* 'ударить, дернуть; шмыгнуть', с префиксом *nasépaća* 'утомиться, умориться' (Янкова 323, 209), *cépaća* 'сердиться' (Расторгуев 238).

У южных славян этот глагол, по нашим наблюдениям, представлен в болгарском языке и его диалектах: *cípamъ* 'задержать, мешать, подставить ногу; осаживать, сдерживать', ~*mся* 'спотыкаться; отступиться; (о воде) убывать, отступать, пропадать' (Геров V, 311), *cípva* нес. 'пугать, заставлять вздрогивать; вразумлять', ~*ce* 'пугаться, вздрогивать; пробуждаться (внезапно); приходить в себя', *cípna* сов. 'испугать, заставить вздрогнуть; вразумить', ~*ce* 'испугаться, вздрогнуть; пробудиться (внезапно), прийти в себя' (Бернштейн), диал. (костур.) *céna* нес. 'мешать, стоя рядом' (БД VIII, 306), прилаг.-ное елен. *cépnъt* 'испуганный, обеспокоенный' (БД VII, 129).

В круг продолжений слов. *sépati В. Борысь включает с.-хорв. диал. *céna ce*, *séba ce* 'вздрагивать (во сне, от страха, гнева); приходить в себя, спохватываться' и т.п., объясняя появление формы с корневым *b* влиянием местоимения.

Слав. *sépati характеризует широкий круг значений, во многих случаях далеко отстоящих друг от друга. Связывает, объединяет семантически разошедшиеся образования общее исходное значение 'делать резкие, отрывистые движения' > 'трясти', 'дергать'. Семантическое развитиешло в следующих направлениях: 'дергать' > 'дернуть, ударить, бить, колотить' (ср. н.-луж., блр.), 'дергать' > 'приидираться', 'сердиться', 'говорить, зло кричать' (ср. укр., блр.), 'дергать' > 'дернуться' > 'споткнуться, оступиться' > 'задержаться', 'отступиться' (ср. болг.), 'дергать' > 'дернуть, рвануть' > 'достать' > 'зачерпнуть', 'дергать', >

‘дергать’ > ‘дернуть, рвануть’ > ‘достать’ > ‘зачерпнуть’, ‘дергать’, > ‘дернуться’ > ‘вздрогнуть’ > ‘пробудиться’ и ‘испугаться’ (ср. болг.), ‘дергать’ > ‘рвануть, быстро побежать’ (ср. словац.), ‘дергать’, ‘трясти’ > ‘тяжело дышать’ (ср. блр.).

Внутриславянские связи гл. **sēpati* стерты и трудно поддаются восстановлению. Продвижению вглубь помогают отмеченные в славянских диалектах единичные образования с иным вокализмом в корне, семантически неотделимые от гл. **sērati*. Мы имеем в виду уже называвшийся рус. диал. гл. *cípать*, а также болг. диал. *cípka* ж.р. ‘птичка-трясогузка’ (Д. Сакъов. БД III, 335), вероятно, производное от несохранившегося гл. ***cipati* со значением ‘трясти’, ‘дергать’. К этому типу образований с вокализмом *i* в корне должно быть отнесено и отмеченное в болгарских народных песнях *cýlpamся* в значении ‘встрепенуться’, ‘пробудиться’: *Сыпнжся мома събуди, / Лютомъ си вѣтъръ кльнаше* (Геров V, 304). Гл. *cýlpamся*, совпадающий по значению с *cílpamся*, включен Геровым в словарную статью гл. *cýlpamся* ‘рассыпаться’. На наш взгляд, объединяются омонимичные глаголы, этимологически никак не связанные между собой. В случае *cýlpamся* ‘встрепенуться’, ‘пробудиться’ мы имеем дело с гиперкорректной формой (с графическим *y* вместо *i*), появление которой обязано совпадению в болгарском *u* и *i* и утрате мотивирующих этот глагол связей. Все эти примеры дают основание предполагать существование глагольных основ **sip-* < **seip-*: **sēp-* < *soip-* с чередованием *e:o*.

Следующий шаг к восстановлению внутриславянских связей позволяет сделать предположение Р. Якобсона о родстве рус. диал. *cípать* и *cípetъ* с производными от него образованиями, которые в словаре Даля (Даль² IV, 187–188) получают следующее толкование: *cíp*, *cípa* моск., *cípak* м.р. пенз., *cípачка* ж.р. яросл., волог. ‘грубый невежа, необразованный мужик, мужичка, деревенщина’, *cípúga* ж.р. или *cípúha* ряз., тамб. ‘волокуша, буран низом; при сухом морозном ветре, хотя сверху и не снежит, снег несется пылью, со свистом по земле, наметая сувои на кочках и сугробы на прибрежьях’, *cípun*, *cípuxa* ‘кто сипит, хрюпун’, *cípóvka* ‘тростниковая, бузинная, иловая (из снятой коры), дуда, дудка’, юж. ‘сопелка’.

Слав. **sipēti* имеет значение ‘сипеть, хрюпеть’: ср. блр. *cínéćь*, цслав. *osípnijti* ‘осипнуть’, болг. *osípnuvam* ‘хрюпну’, чеш. *sipēti*, *sipati* ‘сипеть, хрюпеть’, слвц. *sipiet'* ‘шипеть’ и т.д. Принимая во внимание семантику производных от этого глагола рус. диал. *cípúga*, *cípúha*, обозначающих метель, поземку, поднимаемый ветром снег с поверхности земли, мы включаем в число продолжений слав. **sipēti* с.-хорв. чакав. и шток. *sípiti*

(Вук, RJA XV, 49), *sipl̩t*, *sipl̩in* ‘моросять (о дожде)’ и чак. *sipl̩at*, *sipl̩on* ‘древеть’, первонач. ‘сопеть’¹⁹. С.-хорв. *sípiti* ‘моросять’ необоснованно толкуется в литературе как локальное отражение на славянской почве и.-е. **seip-/*seib-* ‘литъ, течь’, ‘цедить’: ср. др.-в.-нем. *sib*, англос. *sife* ‘сито’, *siplian*, ср.-в.-нем. *siplen* ‘капать’ и т.д. (Рокорн I, 894; Skok III, 241). Скок допускает возможным для с.-хорв. слова сближение с греч. *ἵεω* ‘идти (о

дожде)’, которое восходит к и.-е. **seu-* с тем же значением (Skok III, 241–242).

Идея, высказанная Р. Якобсоном в самом общем виде, открывает новые ориентиры в этимологических поисках. Гл. *sipēti вместе с многочисленными производными образует самостоятельное гнездо, в рамках которого существуют образования с корневым вокализмом, тождественным вокализму гл. *sēpati. Заслуживает внимания тот факт, что в польском существуют формы *sipieć* и *siepieć* в значении ‘хрипеть’, ‘моросить (о дожде)’, а в диалектах находим форму *siepełki* (Варшавский словарь VI, 119, 105) с вокализмом ē в корне в качестве обозначения украинского музыкального инструмента (ср. приведенное выше рус. диал. *сиповка* в значении ‘дудка’, ‘сопелка’). В чешском параллельно с формами *sipati*, *sipěti*, являющимися основными, в диалектах отмечены глаголы с иным корневым вокализмом: ган. *septět*, ляш. *s'apět* ‘сипеть, издавать сиплые звуки’ (Machek² 543). Параллелизм форм с корневыми i и ē в гнезде *sipēti и *sēpati служит формальным доводом в пользу сближения данных глаголов. В литературе гл. *sipēti обычно определяется как звукоподражательное образование, и такое понимание базируется на устойчивой связи глагола с определенным звуковым образом. Опыт изучения звукоподражательных образований показывает, что далеко не всегда эти образования восходят к звукообозначению²⁰. При более широком охвате материала с учетом всей семантики, фонетических и морфонологических вариантов, в ряде случаев удается установить, что в основе глаголов, относимых к разряду звукоподражательных, лежит не звукоподражание, а корень, передающий какое-то конкретное действие. Идея генетической близости гл. *sipēti и *sēpati позволяет преодолеть изолированность слов и на новой основе подойти к восстановлению семантических процессов, приведших к распаду некогда единого этимологического гнезда.

Некоторые общие соображения позволяют думать, что семантика гл. *sipēti, в основе которой лежит представление о шуме, неизначальна. Обозначению шума предшествовало обозначение действия, основные характеристики которого присутствуют в семантике гл. *sēpati. Семантика гл. *sipēti, связанного чередованием гласных с *sēpati, сужена. Сфера употребления глагола ограничена обозначением определенного физического состояния – состояния болезни, когда человека трясет, лихорадит, появляется тяжелое, неровное дыхание (ср. словен. *sípiti* ‘тяжело дышать’, *sipati* ‘кашлять’). Далее, видимо, имел место перенос обозначения с физического состояния на явления, сопутствующие болезни, – хрипы, сипение, шумы, возникающие при кашле, тяжелом, болезненном дыхании. В результате для гл. *sipēti основной становится функция звукообозначения. Происходит формальное и семантическое обособление глаголов *sipēti и *sēpati.

Все попытки определить генетические истоки гл. *sipēti, *sēpati не дали положительного результата. При более внимательном рассмотрении оказывалось, что соотнесение или сравнение с тем или иным рядом индо-

европейских слов основано на чисто внешних признаках сходства, при отсутствии необходимой аргументации выводы о внешних связях выглядят неубедительными и маловероятными. Так, гл. **sipēti* обычно сравнивают с лат. *sībilō*, -āre ‘свистеть, шипеть’, *sībilus* ‘шипящий, нов.-перс. *siflīden* ‘свистеть, щебетать, чирикать, петь’, но эти образования с исходным и.-е. корнем **suei-*, **sui-* ‘свистеть, шипеть’ (Pokorný I, 1040; Walde² 708) во всех отношениях ближе слав. **svistъ* (Фасмер III, 580–581). Также маловероятно сравнение с гот. *hiufan* ‘сетовать’, истоки которого в гнезде и.-е. **kāu-*, **kēu-*, **ku-* ‘выть, реветь’ (Pokorný I, 535–536). Мачек настаивает на сближении с лит. *šiēpti* ‘разевать, раскрывать рот; скалить зубы’, полагая, что семантическое развитиешло в направлении ‘открывать рот’ > ‘тяжело дышать ртом’ > ‘сипеть’ (Machek² 544).

В. Борысь исходит из того, что по вокализму ближе лит. итер. *šaiρytis* ‘ухмыляться, усмехаться’. Но литовское слово не имеет определенной этимологии. Френкель принимает для лит. *šiēpti* объяснение, предложенное Бугой: лит. *šiēpti* восходит к и.-е. **kseip-* (и.-е. *ks* > лит. *š* наряду с **sk-* в лит. *skiēpas*) и родственно рус. *шип*, с.-хорв. *šip* ‘шип, острие’, луж. *šip* ‘стрела’ (Fraenkel 981). А в словаре Покорного лит. *šiēpti* отнесено к продолжениям и.-е. **keip-* ‘вилять, махать’, ‘кривиться, морщиться’ (ср. еще др.-инд. *śiprā* ‘усы’, авест. с метатезой *srifa-* ‘ноздри’ и т.д. – Pokorný I, 543). Нельзя признать убедительным ни одно из предложенных объяснений слав. **sipēti*.

Столь же неясны истоки гл. **sēpati*/**sipati*. Фасмер, признавая сомнительным сравнение рус. *сінать* с осет. *sewun* ‘косить’ или на основе чередования с рус. *шип*, допускает родство для русского слова с др.-инд. *kṣipáti* ‘бросает, швыряет’, *kṣē páyati*, кауз., *kṣipráh* ‘быстрый’ (Фасмер III, 626; со ссылкой: Zupitza BB 25, 93), которые в словаре Покорного сближаются с рус. *шибать* ‘бросать’, *шибкий* и возводятся к и.-е. **kseip-*, **kseib-* ‘бросать, швырять’ (Pokorný I, 625; Mayrhofer Lief, 6, 432). Но в этом сближении остается немало труднообъяснимых моментов. Др.-инд. *kṣiprá-* ‘быстрый’ вместе с авест. *xšiiwra-* ‘быстрый, стремительный’, как полагают, восходят к индо-иран. **kṣuaip(?)* с последующим устранением лабиального элемента через диссимиляцию перед *b* (Mayrhofer Altind. 6, 437). Сомнительно, чтобы процесс диссимиляции параллельно проходил в разных группах индоевропейских диалектов. Но даже в случае выбора исходной формы **kseip-* мы стоим перед необходимостью объяснить соотношение в анлауте и.-е. *ks* и слав. *г*. Здесь на помощь приходят наблюдения из области отражения в индоевропейских языках форм с усложненным анлаутом. При регулярном преобразовании и.-е. **ks* в слав. *х*, *ш* отмечены формы, для которых допускается преобразование

начального *ks* > *s* в славянских и индоевропейских языках:ср. др.-инд. *kṣáratí* ‘течет, струится’: *sáratí* ‘течет, спешит’, др.-инд. *kṣaram* ‘вода’: слав. **séra*²¹. Предполагается, что в анлауте индоевропейских форм возможно появление подвижного компонента, не только *s*, но и *i*, задненебного, зубного. С принятием такого объяснения для др.-инд. *kṣipáti*: слав. *sépati/*sipati возникает необходимость еще в одном допущении. Мы должны предположить, что в плане относительной хронологии упрощение группы *ks* > *s* произошло в более раннюю эпоху, до развития *ks* > *x* или *š* в праславянском. Как видим, при таком подходе славянское слово оказывается вне тех обязательных позиционных условий, в которых только и возможны изменения регулярного типа. Это обстоятельство сильно ослабляет надежность истолкования слав. *sépati/*sipati.

Завершая обзор этимологий, мы остановимся еще на попытке Махека соотнести польск. *siepać*, укр. *cínatи* с чеш. *sápati* ‘дергать, рвать’, морав. *cápat se*, вал. *chápat sa*, н.-луж. *varať*, а также чеш. *osopiti se* и болг. *сопват се* ‘огрызаться’ и далее – нем. *sappen*. Махек относит всю эту группу слов к экспрессивной лексике, практически не имеющей истории (Machek² 537). Если отношение начальных *s*: *c*: *x* можно объяснить как экспрессивную субSTITУЦИЮ, то значительно сложнее понять различия в корневом вокализме.

Выпадает из вышеприведенного ряда польск. *siepać*, укр. *cínatи*, их объединяет с приведенными выше словами только сходство семантики. Есть основания думать, что чеш. *sápati*, *cápat se*, *chápat sa* представляют собой основанные на звукоподражании экспрессивные варианты, различающиеся анлаутом (ЭССЯ 3, 171–172).

И, наконец, следует отметить представленное в словаре Брюкнера ошибочное сравнение польск. *siepać* и *sepiać*, последнее вместе с цслав. *осяпѣти* ‘оробеть’, чеш. *posupiti* ‘омрачить’ и т.д. связано чередованием

корневых гласных с *sépъ:ср. с.-хорв. *cěn* ‘коршун’ (Фасмер III, 48).

Как видим, оказались безуспешными поиски индоевропейских соответствий для слав. *sépati, *sipeti. Допустимо видеть в славянских глаголах древнее новообразование праславянской эпохи. Не исключено, что генетические истоки славянских слов в гнезде и.-е. **sei-*: **si-* ‘бросать’, ‘сеять’ (Pokorný I, 889–890). В составе этого достаточно разветвленного этимологического гнезда для одних образований определяющим является значение ‘сеять’ (ср. слав. *séjati, *sémę, *sito), для других – значение ‘бросать, метать, швырять’ (ср. др.-инд. *sáyaka* ‘предназначенный к броску’, *sáyika* ‘кинжал’, *séna* ‘метальный снаряд’). Оба значения взаимосвязаны и являются конкретной реализацией более общего значения ‘делать резкие, отрывистые движения’. В слав. **sép-*: **sip-*, сложившемся на базе и.-е. **sei-* с расширителем *-p*, присутствует та же семантика, но в несколько преобразованном виде. Эта основа дала начало самосто-

ятельному этимологическому гнезду с очень разветвленной семантикой. В истории праславянского по семантическим причинам произошло расщепление этого гнезда, выделение двух групп родственных образований с основами *sép- и *síp-.

*pelestъ, *pel'ustъ

В словаре Махека (Machek² 443) к этимологически неясным словам отнесены чеш. *pelest'*, *pelest* ж.р. ‘спинка кровати, стенка кровати; скамейка, на которой сидят гребцы’ (Kott II, 524), диал. ‘боковые доски постели’ (v. *Podkrkonoši*), зап.-морав. ‘края каменного корыта’, с ними соотнесены блр. *nélescъ* ж.р. ‘ручка у корыта (для стирки) и толстые концы у корыта (для кормления скота)’, ‘пласт, кусок’ (Носович 397), *nélescъ* (*néliscъ*) ‘поперечный край корыта (для стирки)’ (Юрчанка Нар. вытв. слова 158), а также близкие по значению образования в ином суффиксальном оформлении – польск. диал. *peluść*, блр. *пелющи* pl. tant. ‘закраины у корыта для стирки’ (Блр.-русск. 653), диал. *nélyscъi* мн. то же (Народные слова 40). Дополняет эту группу родственных образований болг. родоп. *nélest*, *nelést'* ‘выдвинутая вперед часть дома, навес, на котором сушат одежду, зелень, фрукты и т.д.’ (Т. Стойчев. – БД V, 196) и рус. диал. *nélistъ* ж.р. ‘ручка корытца (паланки) для очистки зерна’ (новосиб., Филин 25, 331). Как видим, засвидетельствованные в разных частях славянской территории слова *pelestъ, *pel'ustъ обозначают выступ, край, выступающую часть постройки, боковую поверхность. Без особого труда в составе этих образований можно выделить корневую морфему *pel- и суф. -estъ, -ustъ явно вторичного происхождения. Место этих образований в гнезде слов. *pelti, *pelvq ‘полоть’, продолжающего и.-е. *sp(h)el- ‘колоть, расщеплять’ (ср. лит. *spāliai* ‘очески льна’, др.-инд. *phálati* ‘лопается, трескается’, нем. *spalten*)²². В гнезде слов. *pelti, *pelvq*, достаточно хорошо засвидетельствованного в славянских языках, имена имеют семантику, явно производную от основного значения глагола ‘полоть, дергать, чистить’, не нуждается в каком-то специальном обосновании значение ‘мякина, шелуха, сорняк’ (семантически ср. драть: дранка, обдирки, чесать: очесы и т.п.), характеризующее слов. *pely-, -ъve, *pelvelъ (Фасмер III, 227, 312). Также понятно появление у именных образований значения ‘планка, доска’ (ср. колоть: кол, слов. *ščipati: с.-хорв. *štipan* ‘палка’): ср. слов. *polъ ~ др.-инд. *phálakam* ‘доска, планка’, др.-исл. *fjol* (‘половица, доска, планка’), слов. *polica, произв. с суф. -ica от *polъ, в рус. диал. *полыца* ‘посудная полка на стене’, с.-хорв. *pòliča* ‘стенная планка’, словен. *políca* ‘доска в стене; отвал плуга’ и т.д. (см. Фасмер III, 306, 310). Собственно, слов. *pelestъ, *pel'ustъ обозначают часть целого, деталь в виде планки, доски. В русских диалектах представлено еще одно образование с той же корневой морфемой, но расширенной другим суффиксом -ena. Мы имеем в виду диал. *nélena* ‘стреха соломенной крыши’, которое Фасмер оставляет без объяснения, отклоняя предложенное Преображенским сближение с близким по

значению диал. *пелёда*, заимствованным из балтийских языков (Фасмер III, 229). В "Словаре русских народных говоров" это слово ошибочно сближено с омонимичным *пеленá* 'пеленка', 'кусок ткани' и рассматривается вместе с ним в одной словарной статье (Филин 25, 326–327). В русских диалектах интересующее нас *пёлена* отмечено в следующих значениях: 'нижний, свисающий край (соломенной) крыши; стреха' (курск., тамб., ворон., орл., ряз., рост.), 'скат, полотно крыши' (орл., курск., ряз., тамб.), 'верхняя, суживающаяся часть, откос скирда, стога' (орл., курск., тамб. и др.), 'обрешетина кровли' (орл., курск.), *пёлены* мн. 'продольные жерди на столбах, подпорах в сарае для хранения корма (пелевне)' (тамб.), *пеленá* 'доска, удерживающая солому в нижней части ската' (ряз., тул.), *пеленý* мн. 'стропила' (южн. Горьк.), 'вертикальная плоскость, поверхность стены, боковая поверхность скирда, стога' (Даль), *пёленица*, *пелёница* и *пелённица*, *пелённица* ж.р. 'жердь, придерживающая нижний слой соломы на крыше' (ряз.) (Филин 25, 327–328), а также *пёлина* ж.р. 'бревно, балка' (Азерб. ССР) (Там же 331). Нетрудно заметить, что основную часть сооружений, именуемых словом *пёлена*, составляет жердь или балка, доска, т.е. название ската крыши, откоса стога и т.д. по основной детали, несущей или удерживающей, придерживающей крышу, сток и т.п. Махек очень близко подошел к пониманию внутренней формы чеш. *pelest*, сблизив его с диал. (ган.) *peliska* (<*pel-iska*) 'ступенька, на которую встают, когда залезают на печь' (Machek² 443). Как видим, в семантике целого ряда именных образований, оформленных разными суффиксами, присутствует основное и изначальное для них значение 'жердь, доска, балка'.

Некоторых пояснений требует блр. диал. *пёлюсьць* 'жерло печи' (Народнае слова 12), *пёлюсць* ж.р. 'устье печи' (Сняшкович 364), которые материально тождественны приведенному выше блр. *пелющи*, но не совпадают с ним по значению. Махек вводит в гнездо чеш. *pelest* отмеченное в диалектах *peliska* 'жерло печи' (Machek² 443). В семантике этих образований находит отражение преобразование исходного значения 'полоть, дергать' в направлении 'щель, отверстие' (ср. семантически рус. щель: лит. *skélti*, *skeliù* 'раскалывать', рус. *дыра*: *драть* и т.д.).

На территории сербохорватского языка засвидетельствована еще одна группа образований. Видимо, этимологически тождественны слав. *pelti, *pelvq и необъясненные Скоком (Skok II, 633), с.-хорв. *peleš* *peliš* в значении 'край, рант, рубец' (ср. *peliš* *krstionice*=*kamenice*, *oko mlina*=*peleš šinje*) и 'ручка кастрюли, котла', ср. *pèlješ* (Лика)-*pétliš* м.р. (Лика)-*peleš* (Хорватия), а также *peleš nica* (Левач, Сербия) 'drven polukrug u vrata, utvrden za direk, u koji se zavlači petica'. По мнению Скока, употребление с.-хорв. *peleš* в качестве обозначения ручки котла, каната, края и т.п. явилось результатом метафорического переосмысливания *peleš* (Вук, Срем) 'коса, косичка (на голове мужчины)' *pelešav* (Лика), 'лохматый, взъерошенный, растрепанный, косматый', 'паршивый, шелудивый'. Но в таком предположении нет необходимости. Эти два ряда значений, мотиви-

рованные общей исходной семантикой глагола, могли сложиться и развиваться параллельно и независимо друг от друга: ‘полоть’ > ‘полоть, дергать по краю’ > ‘полоса, рубец’ (ср. с.-хорв. *pěleš* ‘косичка на голове мужчины’) и ‘край, рант’ (ср. бlr. диал. *néliна* ‘подол’²³) и ‘полоть, дергать’ > ‘очесы, мякина’ > ‘космы, патлы’ и ‘лохматый, растрепанный’ (ср. укр. *néleh* ‘ключок волос, шерсти’ – Гринченко III, 106), ‘полоть, дергать’ > ‘нечто мелкое, дробное; кусочки’ (рус. диал. *neléstok* ‘четвертая часть кочана капусты’ – (Новосиб. словарь 378; *nelyški* ‘пряники’ – Растворгувев 206; чеш. *pel* ‘мелкая пыль’ – Котт II, 524). Последнее значение в несколько измененном виде представлено в болг. диал. *nelyški* ‘мясистая сережка на шее животного под ухом’²⁴, *nilyški* мн. то же, *nelyši* фольк. ‘подарок’ (Ралев. БД VIII, 153), *nelyški* ‘мелкие монеты, нашиваемые на шнур, вплетаемый женщиной в косы; монисто’ (Геров IV 21), ‘металлические украшения’ (Горов. БД I, 124), *néleši* ‘монета, которая дарится новорожденному’ (Стойчев БД II, 233), *nelyši* то же (Геров IV, 21).

Данные образования имеют структуру производных с суф. *-eъ*. Параллельно в том же значении ‘нечто мелкое, куски’ и т.п. представлены образования на *-ustъ*: укр. *nelystka* ‘капустный лист; кушанье: сваренные капустные листы с мясным фаршем; в прическе гуцульской девушки: прядь, шестая часть волос, идущая на косу; широкий зубец, находящийся с каждой стороны ряда тонких зубьев в прядильном гребне’ (Гринченко III, 106), рус. диал. (брян.) *nelystka* ‘небольшие кусочки теста (пшеничного или гречневого) квадратной формы для вареников’ (Растворгувев 206).

Нетрудно заметить симметрию отношений **pelestъ* – **pel'ustъ* в семантическом ряду ‘полоть, дергать’ > ‘доска, планка’ > ‘выступ’ и ‘полоть, дергать’ > ‘нечто мелкое, кусочки’.

Приведенный лексический материал существенно расширяет представления о составе и структуре гнезда слов. **pelti*, **pelvq*. К этому же гнезду может быть отнесено чеш. *pelichati* ‘терять перья (о птице); менять шерсть, линять’, которое в словаре Махека (Machek² 443) неубедительно объясняется из **perie lichati* с последующим ослаблением *rie-li*, при этом *lichati* понимается как вариант *línati* с расширителем *-ch-*. Как будто бы отсутствуют препятствия для понимания чешского глагола как производного на *-ichati* от основы гл. **pel-ti*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹. Schmidt J. Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus II. Weimar, 1875. 139, 331.

²Брандт Р. Об этимологическом словаре Миклошича // РФБ XVIII, 1887, 26; Mladenov St. Element im Slavischen // AfslPh XXXVII, 1916. 131.

³Георгиев В. Балто-славянский и тохарский языки // ВЯ 1958. № 6. 19.

⁴Абаев В.И. Thraco-scythica // В чест на акад. Вл. Георгиев. 109.

⁵Марусенко Т.А. Материалы к словарю украинских географических appellativов (названия рельефов) // Полесье. М., 1968. 255.

⁶Kalužniacki. Zusätze zum Artikal ueber die Bedeutung des altserb. *mpanъ* // AfslPh 1891, B. 13. 319–320.

⁷Safařík. Slowanský narodopis. 3. Aufgabe 160.

- ⁸Dulčić J. i Dulčić P. Rječnik bruškoga govora // HDZb. Knj. 7, sv. 2. Zagreb, 1985. 696, 478.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰Šuman H. Etymologische Erklärungsversuche // AfslPh 1909, B. XXX. 306–307.
- ¹¹ Svane G. Slavische Lehnwörter im Albanischen. Acta Jutlandica LXVIII. Humanistische Reihe 67. Aarhus university press 1992. 38–39.
- ¹² Šuman H. Op. cit. 307.
- ¹³ Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966. 77.
- ¹⁴ Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Изд. 2-е. Красноярск, 1988. 386.
- ¹⁵ Šuman H. Op. cit.; Варбом Ж.Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984. 31, 39.
- ¹⁶ Леков Ив. Към историята на някои думи в българския език // Език и литература. XI. 1956. № 6. 444–445.
- ¹⁷ Borys W. Студије из српскохрватске и словенске етимологије // ЈФ XLVII, Београд, 1991. 69–82.
- ¹⁸ Orlovský J. Gemerský nárečový slovník. 1982. 296.
- ¹⁹ Dulčić J. i Dulčić P. Op. cit. 653.
- ²⁰ Варбом Ж.Ж. О семантике и этимологии звукоподражательных глаголов в праславянском языке // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. М., 1988. 66–78.
- ²¹ Трубачев О.Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология 1968. М., 1971. 40–42.
- ²² Куркина Л.В. Славянские этимологии // Этимология. 1981. М., 1983. 15–16.
- ²³ Матэрыялы для слоўніка Мінска-маладзечанскіх гаворак. Пад. рэд. М.А. Жыдовіч. Мінск, 1970. 102.
- ²⁴ Попов К. Говорът на с. Габаре, Белослатинско // Изв. Ин-та за български език. Кн. IV. С., 1956. 163.

В.В. Сырочкин

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1. Праслав. *sěno, лат. *fēnum*

Как будет показано ниже, лат. *fēnum* ‘сено’, скорее всего, не имеет генетической связи с праслав. *sěno ‘сено’ (вопреки распространенному мнению). Ясно, что праслав. *sěno, лит. *šiēns*, лтш. *šiēns*, греч. κοινά ‘сено’ (Фасмер III, 601) допустимо возводить к и.-е. **k^eo_inōm* или **k^eo_iñēnōm* (учитывая акут. лит. диал. *šēnas*)¹. Чисто формально и.-е. **k^eei_inōm*/**k^eo_inōm* могло бы рассматриваться как производное от глагола и.-е. **k^eei_i* - ‘лежать, покоиться’. Примечательно, что данное сопоставление вполне допустимо и с точки зрения семантической типологии. Ср. в качестве аналогии рус. диал. лόга ‘скошенная трава для сушки; сенограб; участок скошенной травы; трава скошенная, но не убранная в кучи или в стога; грабли для сена’, которое восходит к праслав. отглагольному имени, производному от праслав. **legt'i*, *ležati (ЭССЯ 15, 246). Приведенный пример доказывает реальность семан-